Казимиров Максим Сергеевич
аспирант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-170543

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УСТНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫХ ПРОЦЕССОВ В ЧУВАШИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.

Аннотация: *в статье собраны результаты анализа методологических и методических особенностей применения инструментов устной истории при изучении этнорелигиозных процессов в Чувашии. Автором охарактеризована специфика формирования источниковой базы, обусловленная влиянием религиозного синкретизма и интенсивных процессов этнокультурного возрождения. Обоснована необходимость применения качественной методологии (например, глубинных интервью и биографического метода) для фиксации трансформаций религиозных практик православных и некрещеных чувашей, а также процессов неоязыческого конструирования идентичности.*

Ключевые слова: *устная история, этнорелигиозные процессы, Чувашия, религиозный синкретизм, неоязычество, интервьюирование.*

Статья выполнена при поддержке РНФ. Проект 26-28-20326

Рубеж конца XX – начала XXI в. характеризуется кардинальной трансформацией этнорелигиозного ландшафта Чувашии. Распад советской идеологической системы и последующая либерализация общественной жизни активизировали процессы возрождения религиозных институтов, затронувшие как наиболее крупные конфессии (православие, ислам), так и множество политеистических этнических религий. В этих условиях устная история приобретает особое значение как метод, позволяющий зафиксировать «живой» опыт верующих, их

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

повседневные религиозные практики и субъективные смыслы, которые зачастую остаются за рамками официальных документов и статистики.

Так, цель исследования заключалась в выявлении и описании особенностей устно-исторических исследований этнорелигиозных процессов конца XX – начала XXI в. в Чувашии, на основе анализа современной историографии и полевых практик.

Говоря об устной истории, важно определиться с терминологией. Так, в «Новом сокращенном оксфордском словаре английского языка» предложено такое определение: «Это записанная на магнитофон историческая информация, полученная из личных знаний говорящего; ее использование или интерпретация является предметом научного исследования» [1, с. 119].

Ключевая особенность этнорелигиозных процессов в Чувашии заключается в феномене полисинкретической религиозности. Религиозные практики трех этноконфессиональных групп чувашей – православных, язычников и мусульман – представляют собой совокупность элементов религиозного поведения их членов и интерпретации ими религиозных норм, сложившихся в ходе синкретизации традиционных верований и культа (чувашского язычества) с христианством и исламом [7, с. 74]. Для православных чувашей характерен «православно-языческий» синкретизм (двоеверие), а для некрещеных – включение элементов православной культуры в свою обрядность [9, с. 16].

Этой особенностью определена первая методологическая проблема: невозможность опираться исключительно на формальные индикаторы религиозности. Устная история позволяет преодолеть этот разрыв, фиксируя не декларируемую, а «проживаемую» религию. Интервью дают возможность выявить, как в сознании информантов сосуществуют христианские догматы и языческие представления, и каким образом это сосуществование легитимируется в повседневной жизни.

Второй важной особенностью является гетерогенность самого поля исследования. Для Чувашии на рубеже XX–XXI в. было характерно параллельное развитие нескольких религиозных тенденций:

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

− активизация традиционных верований применительно к некрещеным чувашам, сохранившим обряды в сельской местности;

− формирование неоязычества как идеологии этнокультурного возрождения [6, с. 137];

− усиление роли православия и попытки «очищения» народной веры от языческих наслоений, что порождало внутренние конфликты в приходах [7, с. 74];

− развитие исламских общин, являющихся конфессиональным меньшинством, но обладающих значительным социокультурным потенциалом [2, с. 106].

Следовательно, вторая методологическая особенность – необходимость целенаправленно формировать выборки, которые должны охватывать не только рядовых верующих, но и религиозных лидеров, активистов, а также тех, кто дистанцируется от институционализированных форм религии.

Анализ историографии и полевых практик позволяет выделить ряд методов, доказавших свою эффективность при изучении этой проблематики.

Во-первых, глубинное полуструктурированное интервью следует считать, пожалуй, основным методом. Исследование религиозных практик в чувашских селениях опирается преимущественно на качественную методологию, включающую интервью и включенное наблюдение. Гибкость метода позволяет информанту самостоятельно актуализировать значимые для него сюжеты, связанные с обрядностью, календарными праздниками, похоронно-поминальными практиками, которые наиболее ярко отражают сохраненную «языческую» основу.

Во-вторых, в чувашской историографии накоплен опыт использования устной истории и через изучение автобиографических сочинений. Метод устной истории через изучение автобиографии подробно описан в работах О.В. Егоровой: ею были изучены автобиографические сочинения воспитанников духовных и светских учебных заведений Казани и Симбирска [3, с. 29]. Этот подход позволяет проследить индивидуальную траекторию религиозного опыта на фоне макросоциальных изменений.

В-третьих, поскольку религиозные практики зачастую носят невербальный, обрядовый характер, их адекватная интерпретация невозможна без

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

непосредственного участия исследователя в жизни общины методом включенного наблюдения. Наблюдение позволяет зафиксировать те аспекты ритуальной жизни (порядок действий, участие разных возрастных групп, степень эмоциональной вовлеченности), которые информанты могут не озвучить в интервью.

В-четвертых, интервью с носителями традиционной веры часто строятся не как интервью в классическом смысле, а как нарратив о «правильном» устройстве мира и благополучия. Для информантов часто «чувашская вера» выступает основой благополучия, а ее сохранение воспринимается как необходимое условие существования этноса. Исходя из этого, задача исследователя – не просто зафиксировать факты, но и реконструировать внутреннюю логику этого нарратива.

Устно-историческое исследование этнорелигиозных процессов сопряжено с рядом специфических этнических и интерпретативных вызовов. Одним из них является высокая степень «чувствительности» темы для носителей. Религиозные убеждения, особенно в условиях синкретизма, являются частью личной и семейной идентичности [5, с. 157]. Информанты могут быть не готовы обсуждать практики, которые не одобряются официальной церковью или, например, воспринимаются обществом как «пережитки». Исследователю важно проявлять методологическую рефлексивность, осознавая, как его собственные вопросы и даже само присутствие, а также связанные с ним иные обстоятельства, влияют на ответы респондентов.

Следует подчеркнуть и проблему репрезентативности. Устная история претендует не на статистическую репрезентативность, а на аналитическую репрезентацию типичных практик и нарративов [4, с. 653]. Результаты, полученные в одном селении, не могут быть механически экстраполированы на всю Чувашию, однако они позволяют выявить механизмы трансформации религиозности, которые затем могут быть проверены на более широком материале.

Наконец, осуществляя интерпретацию этнорелигиозного синкретизма, исследователь сталкивается с необходимостью описывать религиозные феномены на языке, который не искажал бы их природу. Использование терминов «двоеверие» или «язычество» является условным; сами носители традиции могут не

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

причислять себя ни с одной из этих категорий, а воспринимать свою веру как целостную и аутентичную.

Таким образом, в заключение следует подчеркнуть, что специфика самого объекта устноисторического исследования этнорелигиозных процессов в Чувашии конца XX – начала XXI в. определила ряд присущих ему выраженных особенностей. Полисинкретический характер религиозности, сосуществование множества религиозных проектов (от традиционных верований до неоязычества и православного обновленчества) и высокая степень субъективной значимости религиозного опыта делают устную историю не дополнительным, а основным и во многом незаменимым инструментом анализа этих процессов. Его использование позволяет преодолеть ограниченность формальных источников и зафиксировать религиозность как живую, практикуемую и осмысляемую реальность. Дальнейшее развитие этого направления видится в создании архивов устных интервью и расширении географии полевых исследований этнорелигиозных процессов, связанных с чувашским народом, за пределы Чувашской Республики.

Список литературы

1. Бутько, В. Н. Устная история: преимущества и недостатки / В. Н. Бутько // Наука и современность. – 2010. – № 1. – С. 118–123.

2. Мартыненко, А. В. Трудный путь возрождения: мусульманские уммы Мордовии, Чувашии, Марий Эл (1990-е – середина 2010-х гг.) / А. В. Мартыненко, Т. Д. Надькин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 7. – С. 106–109.

3. Петров, Н. А. Опыт междисциплинарных исследований в устной истории в творчестве О.В. Егоровой / Н. А. Петров, И. В. Дмитриева // Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания : материалы Междунар. науч. конф. (Чебоксары, 23–24 апр. 2021 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : Среда, 2021. – С. 27–30.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

4. Попова, О. Д. История повседневности через призму устной истории: возможности и проблемы (размышления над книгой) / О. Д. Попова // Вестник Удмуртского университета. – 2023. – № 3. – С. 649–655.

5. Пронина, Т. С. Религиозная идентичность как психосоциальный феномен / Т. С. Пронина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – № 2. – С. 154–166.

6. Хохлов, А. А. Место чувашского неоязычества в современном чувашском национализме / А. А. Хохлов // Проблемы национальной стратегии. – 2016. – № 1 (34). – С. 132–146.

7. Ягафова, Е. А. Динамика религиозности и современные религиозные практики в чувашском селе / Е. А. Ягафова // Этнография. – 2021. – № 2. – С. 72–97.

8. Ягафова, Е. А. Религиозные практики чувашей: традиции и их трансформация / Е. А. Ягафова, И. Г. Петров. – Самара : СГСПУ, 2023. – 352 с.

9. Ягафова, Е. А. Религиозные практики этноконфессиональных групп чувашей / Е. А. Ягафова // Этнографическое обозрение. – 2015. – № 5. – С. 3–18.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)